

Джеффри Ротшильд

В КРУГУ СУФИЕВ. СУЩНОСТЬ САМА’.

Когда суфий избавляется от своего «я» и становится искренним влюбленным — в каждом звуке он слышит зов Бога. Любая мелодия для него — зов Возлюбленной. Исчезают различия между кельей отшельника и собранием суфиев, одиночеством и толпой. Повсюду, в любом состоянии, взору суфия явлен только Бог, его слух воспринимает лишь сладостный напев Возлюбленной.

Д-р Джавад Нурбахш

Намереваясь вступить на суфийский путь, люди приходят в ханаку (центр) ордена Ниматуллахи. Но очень скоро некоторые из них испытывают разочарование, узнав, как мало ритуалов и формальных правил предписывается дервишам этого братства. Вопреки ожиданиям гостей, шейх не читает длинных лекций по теории суфизма, не организует групповых обсуждений «обучающих историй». Дервишами ордена не практикуются «суфийские кружения», не изучаются «секретные техники» и «тайные жесты». Лишь один, но очень важный ритуал собирает дервишей в ханаках Ниматуллахи по всему миру каждый четверг и воскресенье. В зависимости от того, на какой из аспектов этого действия обращается основное внимание, для его обозначения могут использоваться различные термины: *зикр* (помяновение), *фикр* (созерцание) или *муракаба* (медитация)¹. Хотя все три понятия относятся к одной и той же практике, известен еще один термин — *сама’*, более полно раскрывающий сущность этого явления. Глава ордена Ниматулла-

хи д-р Джавад Нурбахш дает ему следующее определение: «Словарное значение слова *сама’* — слушание. Для суфиев же это слушание сердцем: музыки, поэзии, напевов и ритмических гармоний, — когда слушающие находятся в особом отрешенном состоянии. Они так глубоко погружены в любовь, что в их сознании не остается и следа «я». В этом смысле *сама’* — молитва, обращенная к Богу. Реальность *сама’* — пробужденность сердца, а его устремленность — Абсолют. Во время *сама’* суфий забывает и об этом мире, и о следующем. Огонь Любви пылает в нем так сильно, что испепеляет все, кроме Бога. *Сама’* разжигает этот огонь и постепенно сближает слушающего и Говорящего, пока они не сливаются полностью»².

Из определения следует, что по своей сути *сама’* не отличается от поминания, созерцания или медитации. Предполагаю, что для многих дервишей, особенно вступивших на Путь недавно, истинный опыт *сама’* пока недоступен. Множество преград необходимо преодолеть, чтобы обрести его. Для читателей, не знакомых с су-

физмом, приведем краткое описание практики *сама’* — по крайней мере, ее внешней стороны.

Придя в ханаку на собрание, дервиши ордена Ниматуллахи усаживаются в отдельной комнате — *джам-хане* (дословно: «дом собраний»). Пол этой комнаты обычно застлан персидскими коврами ручной работы. Их цвет и узоры подбираются таким образом, чтобы не отвлекать присутствующих от поминания Бога. Стены *джам-ханэ* украшены разнообразными символическими предметами и произведениями искусства, такими как каллиграфические изображения имён Бога, фотографии мавзолеев святых, старинные молитвенные коврики, а также четки, сума для подаяний и скрещенные топоры — эмблема братства Ниматуллахи. Безмолвно сидящие дервиши образуют круг. Если на собрании присутствует Мастер или шейх, он сидит в кругу дервишей. Молитвенным ковриком ему служит белая овечья шкура. Когда все дервиши в сборе, шейх или дервиш, ответственный за проведение *сама’*, может прочесть стихотворение, небольшой отрывок

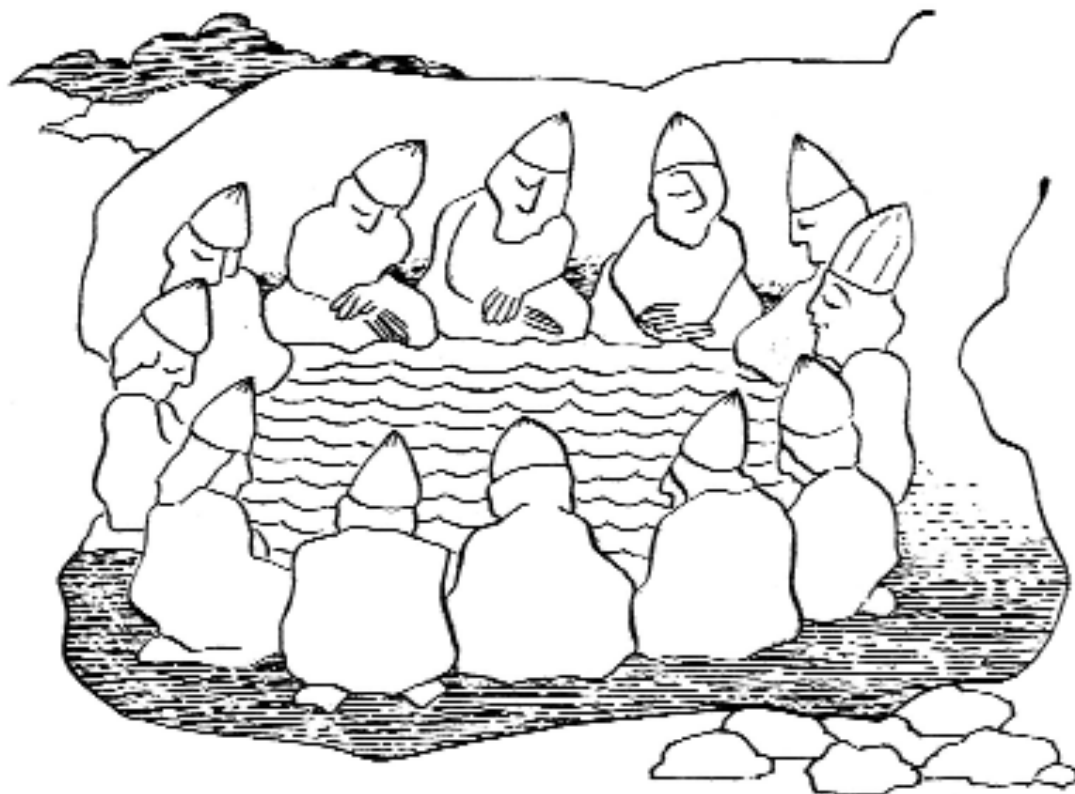


Рис. Д. Гилбарт

из произведений мастеров суфизма, или кратко напомнить о каком-либо аспекте Пути. Затем звучит музыка. Если в ханаке есть дервиши, получившие разрешение Мастера играть и петь во время *сама'*, то музыка звучит в «живом» исполнении. В остальных случаях используются аудиозаписи, сделанные ранее на тех *сама*, где присутствовали дервиши-музыканты.

Существует три основных состояния, которые могут пережить те, кто сидит в кругу суфиев и участвует в *сама'*. Первое — истинное *сама'*, о котором пишет выше д-р Нурбахш. Такое переживание — дар Бога, которым Он наделяет своего избранника. Этот дар нельзя обрести лишь посредством личных усилий, без внимания и содействия Мастера. Воистину — это «зов Бога» и, как таковой, исходит только от Него.

О втором состоянии не стоило бы и упоминать. Пребывание в нем — это пустая трата времени. Однако большая часть присутствующих испытывает именно его. Находясь в таком состоянии, вы поминаете не Бога, а самого себя. Вы размышляете о мелких

неприятностях, случившихся в этот день, думаете о своих дальнейших планах, вспоминаете нового знакомого, который произвел на вас благоприятное впечатление, анализируете проблемы, волновавшие вас до собрания, или занимаетесь одним из тысячи дел, которые порождает ваш нафс (эго), чтобы отвлечь вас от истинной цели.

Бесконечный поток мыслей, фантазий, желаний и страхов, пронизывающий ваше сознание, полностью поглощает сердце, унося вас всё дальше и дальше от поминания Бога, данного вам Мастером. Затем вам удастся на мгновение вспомнить свою истинную цель и вернуться к исполнению священного долга, но тут ваше внимание переключается на предыдущие неудачи в поминании, и вы начинаете казнить себя за нерадивость и неверность. Занявшись самокритикой, вы вновь помните лишь себя, забыв о Боге.

Не в силах вырваться из витков этой нисходящей спирали, вы доходите до того, что начинаете ненавидеть звучащую музыку, друзей-дервишей, которым, как вы уверены, удастся все то, что вам

не под силу, ханаку и, в конце концов, само существование. Даже осознавая порочный круг, в котором вы оказались, вы делаете это снова и снова: неделя за неделей, месяц за месяцем, — теряя впустую годы. Но если, несмотря на неудачи, вы стойко следуете Пути, ваши усилия не пропадут даром. Из ваших неудач, подобно розе, распустившейся на пустыре, родится третье состояние, возникающее во время *сама'*. Вполне уместно назвать его «битва с нафсом». В этом состоянии вы еще не способны потерять себя в Боге, но, тем не менее, прилагаете все усилия, чтобы противостоять своему эго и не терять времени даром. Вместо того, чтобы покориться нафсу, вы отважно противостоите его власти. Сопrotивляясь желаниям нафса, вы не позволяете отвлечь вас от главной цели — возвращения к Нему, нашему истинному Истоку. Д-р Нурбахш предостерегает: «В состоянии медитации различные желания, побуждения и фантазии появятся в памяти и мыслях суфия, что может привести к отклонению от прямого Пути. Следовательно, эти препятствия должны



быть устранены»³.

В начале Пути, когда вы не в состоянии остановить непрерывный поток мыслей, отвлекающих от Бога, борьба с нафсом может заключаться в следующем. Размышляя о необъятности вселенной с миллиардами галактик, постарайтесь прочувствовать свою ничтожность и незначительность; увидеть, как мелки в сравнении с этим ваши личные заботы и проблемы. Или мысленно представьте себе безбрежную гладь океана. Как всей своей мощью он медленно, но неотвратимо размывает горы, обращает их в прах и уносит прочь. Это поможет вам прервать доминирующий в сознании поток мыслей и побуждений, отражающий вашу поглощенность собою и стремление потворствовать своим желаниям. Даже в том случае, если во время *сама'* вас раздражает музыка, угнетает замкнутое пространство комнаты, одолевает скука по миру и обществу, когда нафс побуждает вас оставить все попытки поминания Бога — продолжайте борьбу. Продолжайте, чтобы увидеть, что же такое нафс на самом деле, и понять, что он

всячески пытается перехитрить вас, чтобы увидеть, что нафс — это не то, чем вы в действительности являетесь. И хотя вам хочется всё бросить и уступить натиску эго, вы прилагаете все усилия к тому, чтобы отказаться от ложных привязанностей и снова вернуться к поминанию Бога, данному вам Мастером. И неважно, сколько раз вы прежде терпели неудачу, неважно, что нафс твердит вам о безнадежности новых попыток. Со временем, если Господь Своею милостью и состраданием позволит вам удержаться на Пути, если вам удастся успокоить непрерывный поток сознания и усмирить нападки нафса, то «...результатом успешной медитации будет развитие самоконтроля, ведущее к обретению «целостного внимания» по отношению к Богу»⁴. На этом уровне полностью умолкает бушующий внутри вас поток мыслей и эмоций. Ваше сознание неожиданно становится безмолвным, свободным от всех внешних и внутренних раздражителей, подобно гладкой и спокойной поверхности водоема, некогда покрытого рябью.

Тогда и только тогда поминание Бога укореняется по-настоящему: «...сердце пробуждается и постепенно перенимает зикр у языка, полностью погружаясь в эту духовную практику»⁵. Теперь вместо того, чтобы поддаваться искушениям нафса, сердце смиренно взывает к Богу, ожидая Его взгляда, которым Он окончательно сотрёт черты индивидуального существования. Иными словами, «битва с нафсом» — не кульминация, а прелюдия к первому состоянию, описанному выше, к тому, что является подлинным *сама'* и истинным зикром.

Тем, кто Божьей милостью преуспел в «борьбе с нафсом», следует поразмышлять над словами д-ра Нурбахша о конечной стадии зикра, чтобы они не возомнили, что постигли реальность суфизма:

«То, что поминается (Бог), а не поминание доминирует в сердце. На этом уровне не возникает вопрос, произносить ли зикр по-арабски, по-персидски или по-английски. Слова зикра являются предметом беспокойства только для нафса. Здесь путник всецело поглощен Возлюбленной и забывает даже Имя Бога. Это первый шаг на пути суфизма и начало «исчезновения «я» в Боге» (*фана*), когда забыты и суфий, и само поминание!»⁶.

Примечания

1. Краткие определения этих понятий, раскрывающие их сходство, см. в кн.: Дж. Нурбахш. Рай суфиев. М., 1995. Зикр (с. 21), фикр (с. 41) и муракаба (с. 55).

2. Дж. Нурбахш. Таверна среди руин. Семь эссе о суфизме. М., 1997, с. 35.

3. Дж. Нурбахш. Рай суфиев. М., 1995, с. 64.

4. Там же, с. 66.

5. Там же, с. 32.

6. Там же, с. 37.

Rothschild, Jeffrey. Sitting in the Circle of the Sufi: The Nature of Sama' // Sufi, issue No. 37, Spring 1998, p. 13—15.